— Ты уверена, что ты не королевских кровей? — спросила я у Вайсс, слегка подшучивая над ней, пока осматривала её комнату.

— Мой дед был буквально шахтером, который за свой счет научился бизнесу и владению мечом, — ответила Вайсс, закатив глаза, — Мой дед по отцовской линии был менеджером среднего звена в одной компании. Я совершенно уверена, что не принадлежу к королевской семье.

— Тот, кто построил ваш дом, кажется, считал иначе, — усмехнулась я, — И ещё ты любишь одеваться, как принцесса.

— То, что мне нравится хорошо выглядеть, не означает, что я принадлежу к королевской семье, — съязвила в ответ Вайсс, используя несколько слов, которых я раньше не слышала, но мне и не нужно было их знать, чтобы понять, что нужно ответить.

Я хихикнула.

Вайсс нахмурилась.

— Что я должна делать с такой большой комнатой? — спросила я, немного нервно, подразумевая комнату, которую мне выделили, и которая была в точности отражением комнаты Вайсс, как в прямом, так и в переносном смысле, учитывая её расположение в другом конце коридора.

— А что делают со своей собственной комнатой? — спросила Вайсс, закатывая глаза, — В ней хранят свои вещи.

— Не думаю, что ученым понравится, если я перевезу «Надежду» сюда, — ответила я с ехидством, — И я сомневаюсь, что твоему отцу понравится, если я разрушу стены.

— Нет, — фыркнула Вайсс, — Нет, не понравится. Это звучит как ужасный план. У меня есть план получше: мы сделаем тебе нормальный гардероб, и тогда у тебя хотя бы будет чем заполнить свой шкаф.

— Ммм, — улыбнулась я, — в симуляции мне не нужен был шкаф; полагаю, здесь все будет по-другому. Но почему у тебя такой большой шкаф?

— Чтобы хранить в нем свою одежду? — ответила Вайсс, бросив на меня странный взгляд.

— Но ты всегда носишь одни и те же два наряда! — ответила я с ухмылкой, — Что ты делаешь со всем свободным пространством?

— Я каждый сезон что-то меняю, — ответила Вайсс, закатывая глаза, — подожди ещё месяц, и сама все увидишь. На самом деле, это вполне объяснимое явление, что чрезмерное разнообразие гардероба, как у некоторых состоятельных молодых женщин, может приводить к усталости от принятия решений, и, кроме того, умение выделяться своим внешним видом помогает произвести на людей благоприятное впечатление.

— Я не поняла ни единого слова, — ответила я, слегка усмехаясь, когда просунула голову в шкаф Вайсс и увидела четыре экземпляра одного и того же наряда на вешалках.

— Если ты слишком долго выбираешь себе одежду, то тратишь время и энергию, которые можно потратить на более важные вещи, — проворчала Вайсс, закатывая глаза, когда

вытащила меня из шкафа, — А теперь пойдем, я покажу тебе остальную часть особняка.

***

Я уже видела часть поместья Шни во время вечеринки, но и остальная часть здания была не менее внушительной. Особняк был больше похож на классическую европейскую архитектуру, которую я видела в исторических фильмах, и меньше на японские или современные здания, к которым я привыкла на Земле. Тем не менее, он был, безусловно, величественным, с высокими потолками, чистыми стенами и тем, что на Земле я бы назвала мраморными полами, но я не уверена, что Ремнанте есть что-то подобное. Кроме того, везде было очень красиво, и тот, кто все это обустраивал, явно был профессионалом, знающим, как заставить все сочетаться друг с другом.

Я была впечатлена тем, как четко демонстрировали богатство Шни, не выставляя напоказ серебро, золото или драгоценности.

Впрочем, если пройтись по дому во второй раз, когда не будет ни роя персонала, готовящегося к вечеринке, ни массы гостей, расхаживающих по подготовленным общественным местам, ни людей в целом, то он покажется очень пустым. У Вайсс, очевидно, был младший брат, и её отец был очень трудолюбивым, но я была несколько удивлена, что мы не встретили её мать, или, по крайней мере, не встретили, пока мы не подошли к запертой двери с платком, лежащим на дверной ручке.

— Что это означает? — спросила я.

— Это значит, что нам придется побывать в библиотеке в другой раз, — ответила Вайсс, при этом выражение её лица стало отрешенным, таким, каким оно становилось, когда она была недовольна ситуацией, но не хотела что-то говорить, — Пойдем, я познакомлю тебя с поварами.

Я издала неопределенный звук, но позволила ей пока отвлечься от того, о чем шла речь; я могла бы спросить её снова в конце экскурсии.

Повара оказались почти до ужаса дружелюбными людьми, состоящими из пожилой пары (Жана и Жанны Охр) и их двадцатилетней ученицы Патриции Пич. Почти сразу, как только они меня увидели, то тут же начали угощать различное едой, настаивая на том, что я «только кожа да кости», и что несколько нарезанных кубиками яблок, бутерброд и грейпфрутовый сок — это то, что мне нужно съесть и выпить прямо сейчас.

Вайсс просто наблюдала и смеялась, пока меня усаживали за маленький столик, Жанна зорко следила за тем, чтобы я ела (несмотря на то, что завтрак был только через два часа), а Пич успешно всучила Вайсс пару шоколадных конфет. Если подумать, то за завтраком Вайсс съела немного больше меня; но в свое оправдание могу сказать, что мой желудок всё ещё восстанавливался после долгой атрофии во время пребывания в космосе; так называемая «похлебка», которую впихнули мне повара, заполнила меня почти до отказа.

Настроение Вайсс значительно улучшилось к тому времени, как мы покинули кухню (которую я едва заметила за её обитателями), она улыбалась, пока мы одевались и показывала мне территорию особняка. Территория была явно ухоженной, даже в конце зимы, таяние снега не создавало грязного дёрна; всё выглядело так, будто снег был сложен в резные каменные пруды, в которых, как я подозревала, с наступлением весны появятся рыбы кои. Кустарники на очищенных от снега участках уже показывали листву, что меня немного смутило, но я не узнала сорта, поэтому предположила, что они могут быть кустарниковой версией вечнозеленых растений, произрастающих в Ремнанте.

После сада на территории меня больше всего поразила стена. Я знала, что вокруг роскошных поместий обычно возводят стены, но, судя по тому, что я привыкла видеть, они были скорее декоративными и служили для приватности, чем для безопасности. Однако стены вокруг поместья Шни больше напоминали мне стены тюрьмы или военного форта, с декоративными элементами поверх функциональной основы.

Огороженные башни с вооруженными охранниками, стоящими на них, ещё больше подчеркивали это, и я была уверена, что некоторые из хозяйственных построек, примыкающих к внутренней стороне стены, были жилыми помещениями и/или арсеналами для охранников. Их было слишком много, чтобы они просто служили подсобными или складскими помещениями, хотя, по крайней мере, в одном я ошиблась, когда Вайсс привела меня в совмещенную оранжерею/зверинец вдоль южной стены.

Как только мы вошли, мне снова напомнили, что снаружи здания обычно выглядят меньше, а внутри больше; тот факт, что здание было двухэтажным и имело подвал, помогло, но оно все равно выглядело слишком большим. К тому же тут воняло, но этого следовало ожидать, если держать множество животных в закрытом помещении; запах был почти подавляющим по сравнению со стерилизованными медицинскими и исследовательскими учреждениями, в которых я бывала, особенно в сочетании с тем, что зимой большинство запахов были затхлыми.

— У вас есть домашние животные? — с нетерпением спросила я, — Попытки имитировать кошек или собак в симуляции были по большей части бессмысленными, и я бы с удовольствием подержала что-нибудь теплое и пушистое.

***

— Это не домашние животные, — ответила Вайсс, глядя на подругу, которую она вела через оранжерейную часть строения, — но здесь есть старый пони, которого Винтер подарили на день рождения, ещё когда она была маленькой девочкой. Он слишком стар и мал, чтобы мы могли на нем ездить, но он очень дружелюбный.

Когда они вошли в зверинец, Рин уже практически, а спустя мгновение и фактически подпрыгивала на месте, Вайсс невольно улыбнулась: девочка и впрямь была очень замкнутой, и было приятно познакомить её с другой, более яркой жизнью. Зимний загон пони примыкал к оранжерее, отчасти потому, что его иногда водили туда на прогулки, а ещё отчасти потому, что так он был как можно дальше от хищников в зверинце.

Старый потрепанный пони подошел к деревянной ограде и приветливо фыркнул в сторону Вайсс, которая угостила его морковкой из ближайшей корзины и жестом попросила Рин сделать то же самое.

— На дереве следы от зубов, — заметила Рин, кивнув в сторону сильно изношенной поверхности внутренней ограды, — Поэтому у него такое странное имя?

— Да, — согласилась Вайсс, кивнув, когда пони, ростом едва достигавший её, при полностью выпрямленной шее, попытался лизнуть её лицо, — Пойдем, он дружелюбный, особенно к людям с открытой аурой.

Рин неуверенно протянула руку и провела по щеке Сомилла, немного не доходя до глаз, чем обратила внимание животного на себя, после чего Вайсс усмехнулась, увидев, что он перестал пытаться лизнуть её. Сомилл несколько раз обнюхал Рин, а затем наклонился вперед, чтобы съесть предложенную ею морковку. Хихикая, Рин начала гладить его по шее и гриве.

— Моя мать не любит животных в доме, — поведала Вайсс, — поэтому обычные домашние животные были запрещены; отец использовал это как предлог для создания зверинца, который содержат большинство особенно богатых семей в Атласе. Наш, конечно же, должен был быть самым большим и самым лучшим.

Сказав это, она закатила глаза, слегка вздохнула и покачала головой, когда Рин бросила на нее любопытный взгляд, а затем вернула свое внимание к старому пони сестры.

— Наверху есть несколько крупных хищников, а в подвале — аквариум, но Сомилл — единственное существо, к которому часто приходят посетители. Уитли иногда навещает рыбок, но обычно только я и Клейн навещаем Сомилла, или Винтер в редких случаях, когда она возвращается домой.

— И каково это? — спросила Рин, не сводя глаз с Сомилла. — Иметь брата и сестру?

Вайсс сделала паузу, не зная, как ответить на такой вопрос, ведь в её семье было более чем достаточно проблем. Она медлила, слишком медлила с ответом, отчего Рин оторвала взгляд от пони, которого гладила, и в её глазах промелькнуло любопытство, за которым быстро последовала тревога.

— С братом и сестрой… непросто, — со вздохом произнесла Вайсс, острыми глазами оглядываясь по сторонам в поисках любителей подслушивать; она удержалась от желания нахмуриться, когда её взгляд упал на камеру наблюдения, которой не было в прошлый раз, когда она посещала Сомилла, — Ты слышала термин «соперничество между братьями и сестрами»?

Рин кивнула.

— Между мной, моей старшей сестрой и младшим братом очень часто такое происходит, — со вздохом пояснила Вайсс, — Винтер и мой отец сейчас не в лучших отношениях. Она оставила семейный бизнес, чтобы поступить на военную службу; она недавно получила свое первое повышение после того, как стала Специалистом, и я очень горжусь тем, чего она добилась, но мне бы хотелось, чтобы сейчас она не была так далека от семьи. Мое соперничество с ней в основном выражается в попытках сравняться с ней в навыках Охотницы.

— Мне казалось, ты сказала, что она Специалист? — с любопытством спросила Рин.

— Специалист — это человек с подготовкой Охотницы, который вступает в ряды армии Атласа, — пояснила Вайсс, покачав головой, — Остальные три королевства существенно реформировали свои вооруженные силы после Цветной войны, за исключением старой Имперской гвардии Мистраля, у них сложилась странная традиция, учитывая, что они свергли своего последнего императора несколько десятилетий назад. Кроме того, вооруженные силы трех других Королевств ориентированы в основном на защиту от вторжений Гримм, с которыми Охотники могут справиться самостоятельно, поэтому их роль не похожа на роль Специалистов Атласа. Моя сестра очень искусна, и я надеюсь однажды стать достаточно умелой, чтобы она не побеждала меня в каждом нашем спарринге.

— А какие у тебя отношения и соперничество с братом? — спросила Рин.

— Это гораздо… сложнее, — со вздохом призналась Вайсс, — В прошлом году Уитли открыл своё Проявление, и под «открыл» я имею в виду, что это не наследственное Проявление семьи Шни.

— То, как ты об этом говоришь, — заметила Рин, наклоняясь вперед, чтобы на мгновение обнять большую часть головы Сомилла, — это ведь что-то важное?

— Это зависит от того, кого ты спрашиваешь, — покачала головой Вайсс, — Это сложно. Наша семья была известна своим наследственным Проявлением до того, как мой дед создал компанию «ПКШ». Для некоторых людей это нечто более значимое, чем наше богатство, технологии или прах, который мы продаем. Некоторые люди из-за этого не воспринимают Уитли как «настоящего» Шни; например, у него нет волос матери и черт лица отца. Не то чтобы его Проявление было плохим; он может манипулировать льдом, что очень полезно в Мантле, особенно зимой, просто это не глифы Шни, и он, кажется, тяжело это воспринимает. Мы уже не разговариваем так, как раньше, да и не так уж много мы тогда разговаривали.

— Насколько он младше тебя? — спросила Рин.

— На три года, — со вздохом ответила Вайсс, — Из-за этого, а также из-за того, что он не очень интересуется тренировками Охотников, у нас никогда не было чего-то общего.

Рин издала сочувственный вздох и, обойдя Сомилла, обняла Вайсс.

— Полагаю, нам лучше уйти, — меланхолично произнесла Вайсс, в последний раз похлопав Сомилла по носу, — Мне сегодня ещё нужно сделать кое-какие задания по учебе.

***

— Привет, — раздался ровный, вежливый голос, когда я отвернулась от двери своей комнаты и увидела Уитли, брата Вайсс, — Ты, должно быть, Рин, подруга Вайсс.

— Привет, — ответила я, улыбнувшись и кивнув ему, — Ты ведь Уитли?

— Да, — ответил он, нацепив вежливую улыбку, — Тебе нравится поместье Шни?

— Оно очень большое, — ответила я, — Оно слегка пугает, здесь так много места, и все так роскошно. Ммм… думаю, слово «роскошно», почти как во дворце.

— Ага, — согласился Уитли, его лицо слегка дернулось, давая понять, что улыбка была не более чем маской, — Отец отдал очень четкие распоряжения ремесленникам и рабочим бригадам. Вайсс уже показала тебе все вокруг?

— Умм, — кивнула я, — Она сделала это в первый день, хотя мы не встретили ни тебя, ни её мать.

— Полагаю, от Вайсс этого и следовало ожидать, — кивнул Уитли, — Хотя я сомневаюсь, что вы будете часто видеться с матерью. Как и Вайсс, я часто занят учебой, но не бойся зайти поболтать, если увидишь меня в библиотеке.

— Обязательно как-нибудь зайду, — ответила я, — Хотя у меня тоже много учебы и исследовательской работы.

— Понимаю, — кивнул Уитли, собираясь уходить, — В конце концов, для тех, кто хочет быть на вершине нет времени на игры есть время только для работы. Ха-ха!

— Скажи… ах, до свидания! — попрощалась я, когда он направился дальше по коридору.

***

Шло время, однако ритм его казался странным, по сравнению с изоляцией симуляции, а затем за учёбой на военной базы и в исследовательском центре. Я и так понимала, что Вайсс очень занятая девочка, но жизнь в одном доме с ней только подтвердила это. Каждый день у нее было от четырех до шести часов уроков, и в большинстве случаев у неё был ещё час работы по предметам в качестве «домашнего задания» — термин не совсем точный, учитывая, что она обучалась дома, а не посещала обычную школу.

Мне разрешили присутствовать на некоторых её уроках, там я продолжала изучать язык и историю Ремнанта вместе с ней, пока она делала домашнее задание. Мы немного разговаривали в это время, и я также смогла увидеть некоторые её грубые стороны. Вайсс не лучшим образом реагировала на стресс, как только он начинал накапливаться. Когда на неё давили, а это делали все её инструкторы, по крайней мере, в той или иной степени, она сначала просто терпела, потом начинала давить в ответ, а через некоторое время становилась невозмутимой и спокойной, и просто пережидала любую тираду инструктора, когда он находил недостатки в её работе, а потом зацикливалась на этом, когда они уходили.

В общем, мне было немного неловко, но потребовалась целая неделя, чтобы понять, что, когда она «уходила в ванную» после особенно сурового занятия, она на самом деле плакала там, чтобы я не видела, и так же она могла вымыть лицо и поправить макияж после этого.

Уитли не шутил, когда говорил «все время только для работы и не минуты для игр»; мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что Вайсс проводила со мной практически все свое свободное время, особенно до завтрака и после ужина в будние дни, когда не было общественных мероприятий, на которые она «должна была приходить» по выходным. В выходные, когда она была свободна, мы обычно ходили за покупками или мороженым, хотя в отличие от нашей первой поездки, когда я ещё жила в больнице, охрана Шни следовала за нами повсюду. Это немного раздражало, особенно потому, что они не давали возможности поговорить с людьми, но, когда я спросила об этом Вайсс, она лишь сделала виноватый вид.

Она так же относилась к еде; завтрак с семьей Шни в большинстве случаев включал Вайсс и Уитли (и множества огромных порций, которые мне накладывали работники кухни), и их отца примерно в половине случаев. Однажды я спросила, где их мать, но Кляйн, довольно хладнокровный дворецкий семьи, уклонился от ответа прежде, чем Уитли или Вайсс смогли ответить. На ужине почти всегда присутствовали все трое членов семьи Шни, с которыми я познакомилась, и, как правило, они были немного скованными, а их отец расспрашивал о событиях дня обоих детей так, словно спрашивал об оценках, а не о простых повседневных делах.

Он также задавал мне несколько вопросов за каждым ужином: как идет изучение языка, не упомянули ли ученые, работающие на моем корабле, что-то особенно важное, как я обустраиваюсь, и тому подобное. Было немного неловко, и у меня возникло ощущение, что Жак Шни не очень хорошо умеет общаться с детьми.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем случаем, когда Виллоу Шни присутствовала на ужине вместе с остальными членами семьи.

Я никогда раньше не была рядом с пьяными людьми, только видела и читала описания таких людей в фильмах и книгах, но было очень, очень очевидно, что Виллоу Шни была пьяна с того самого момента, как она, пошатываясь, вошла в столовую. Её одежда была растрепанной, глаза красными, и хотя обеденный стол был довольно большим, прошло всего несколько секунд, прежде чем я почувствовала от нее резкий запах.

— Вайсс, — раздался голос мистера Шни, его тон был настолько резким, что я никогда не слышала такого прежде, и, повернувшись, я увидела, что его обычное вежливо-дружелюбное выражение лица сменилось холодной маской, когда он пристально смотрел на свою жену, — почему бы тебе не отвести Рин посмотреть аквариум; я уверена, что она его ещё не видела.

— Конечно, отец, — согласилась Вайсс, поднимаясь со своего места со скоростью, которая была чуть меньше «неприличной спешки», — Рин, пожалуйста, следуй за мной.

Я доела (вкусные) креветки, после чего кивнула, слегка смущенная, и быстро последовала за ней из большой столовой.

— Что это было? — прошептала я, как только за нами закрылись двери.

— Отец не очень доволен тем, как мать ведет себя большую часть времени, — ответила Вайсс, её голос и выражение лица были подавлены эмоциями; она почти маршировала по коридору, и если бы её каблуки не тормозили её, мне, возможно, пришлось бы бежать, чтобы не отстать.

–… Я не понимаю, — тихо проговорила я, качая головой.

— Я тоже не совсем понимаю, — отозвалась Вайсс, в её голосе прозвучало что-то жесткое, когда она распахнула одну из дверей особняка и вышла во двор, направляясь к зверинцу.

Я старалась не отставать, но часть каменной дорожки все еще была ледяной, из-за чего я поскользнулась и упала.

***

Вайсс остановилась и резко обернулась, услышав, как Рин упала на землю. Беспокойство за все еще восстанавливающуюся подругу заглушило только что вспыхнувший гнев из-за глупостей ее родителей.

— Ты в порядке? — спросила она, опускаясь на одно колено, чтобы помочь Рин подняться на ноги.

— Я в порядке, — ответила Рин, покачав головой, глядя на свои неповрежденные колени, локти и ладони, — Аура поистине чудесна. С тобой все хорошо?

На губах Вайсс промелькнуло автоматическое «Я в порядке», но когда Рин подняла голову и встретилась взглядом с Вайсс, в её глазах читалась искренняя забота, Вайсс с трудом сдержалась и чуть не вздрогнула.

— Я, — произнесла Вайсс, подбирая слова, — я… я…

Рин поднялась на ноги, затем осторожно взяла Вайсс за руки и подтащила к ближайшей скамейке, усадив их обеих на нее, невзирая на холод — их аура позволяла им не обращать внимания на низкую температуру.

— Вайсс, — мягко позвала Рин, взяв одну из рук старшей девочки в свои, — что случилось?

Взгляд Вайсс метался вокруг, ища камеры или места, где поблизости могли быть установлены микрофоны «службы безопасности».

— Вайсс, — прижавшись к старшей девочке, произнесла Рин с тревогой в голосе, — Пожалуйста, поговори со мной.

— Моя мать, — пролепетала Вайсс, используя некоторые слова из языка Рин, который она выучила, — слишком много пьет.

Рин слегка вздрогнула от резкого перехода на другой язык, но её глаза не выражали ничего, кроме беспокойства, когда Вайсс повернулась, чтобы снова встретиться с ней взглядом. Наследница Шни владела этим языком очень смутно, но, говорить все же на нём могла…

— Это началось много лет назад, — начала Вайсс, переходя с одного языка на другой по мере того, как подбирала слова, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы скрыть чтение по губам через дальние камеры, — После ссоры матери с отцом мать стала больше пить. Вместо того чтобы иногда выпивать бокал вина за ужином, она стала пить каждый ужин. Затем — во время обеда. Далее — по несколько бокалов. Вскоре её редко можно было увидеть трезвой после завтрака, а сейчас…

На глаза Вайсс навернулись слезы, но она яростно вытерла их.

— Я не помню, когда в последний раз видела свою мать трезвой, — полувсхлипнула Вайсс, когда Рин обхватила её за плечи, — Если бы у неё не было открытой ауры, она бы, наверное, уже напилась до смерти.

Рин придвинулась ближе, прислонила голову к голове Вайсс и крепко обняла её. Три месяца назад Вайсс с силой оттолкнула бы любого, кто попытался бы прикоснуться к ней таким интимным образом (за исключением, возможно, сестры, которая никогда бы не сделала этого в принципе), но постоянное влияние инопланетной девушки помогло ей привыкнуть к прикосновениям кого-то, кто заботится о ней, и Вайсс уткнулась лицом в шею Рин, чтобы скрыть слезы.

Прошли долгие минуты, Вайсс дрожала, тихо всхлипывая, а Рин напевала успокаивающую мелодию. Во дворе было тихо, только ветер изредка шумел, да дверь на одной из охранных башен закрывалась, когда охранник проходил свой маршрут патрулирования.

В конце концов Вайсс разрыдалась, и дрожь утихла, а средний ребенок Шни обмяк на плече подруги.

— «Нет больше той любви», — тихо произнесла Рин, — «как если кто положит душу свою за друзей своих».

— Хм? — полуспросила Вайсс, её разум помутился от эмоционального истощения.

— Любовь приносит жертвы, — мягко продолжила Рин, — Если кто-то любит, он жертвует собой ради того, кого или что он любит. Это одна из тех фраз, которые папа чаще всего зачитывал мне из своей Библии. Твое сердце болит, потому что твоя мать жертвует своими отношениями с семьей, чтобы… спрятаться в бутылке, а не наоборот. Родители должны любить своих детей, и твое сердце болит, потому что ты не чувствуешь любви.

Вайсс слабо кивнула, её кивок был настолько «изящным», что был почти незаметен для любого, кто не был с ней в прямом физическом контакте.

— Я слышала, как поссорились мои родители, — прошептала Вайсс, — Отец сказал матери, что женился на ней только ради фамилии, чтобы после смерти дедушки он мог возглавить компанию. Он говорил, что его слова были сказаны из-за вспыльчивости, но мне кажется, что он тогда говорил правду.

Рин поморщилась и крепче прижала Вайсс к себе.

— Когда Винтер исполнилось восемнадцать, — прошептала Вайсс, — она попыталась заставить мать бросить пить. Мать ударила её, пронеслась через полкомнаты, чтобы вернуть свою бутылку. После этого Винтер поссорилась с отцом и на следующий день уехала.

Рин нахмурилась и провела рукой по руке Вайсс.

На некоторое время снова воцарилось молчание, Вайсс ушла в себя, а Рин с трудом подбирала слова. Что-то в словах Вайсс вызвало в ней сильный отклик, но она не могла понять, почему, но знала, что это очень важно

Прошло ещё несколько минут молчания, после чего Рин пришла в голову мысль, и она тут же ухватилась за нее. После нескольких секунд размышлений, пытаясь понять, имеет ли это смысл, она заговорила.

— Тебе одиноко, — тихо сказала Рин.

Вайсс жалобно кивнула, не пытаясь сохранить свой обычный внешний вид.

— Мне было одиноко, — произнесла Рин, — очень, очень одиноко в симуляции, на корабле среди звезд, не имея ничего, кроме молитвы, воспоминаний и образов, которые поддерживали меня. Когда я впервые проснулась здесь, на Ремнанте, я подумала, что, возможно, я сошла с ума, а когда проснулась во второй раз, я забеспокоилась, что все произошедшее было сном. Рядом со мной никого не было, и от этого в сердце было так пусто, так одиноко.

Вайсс слабо кивнула.

— А вот ты, — добавила Рин, слегка притянув Вайсс к себе, чтобы та могла посмотреть ей в глаза, не обращая внимания на стекающую по лицу косметику, — ты ведь живешь здесь уже много лет, окруженная семьей, но все равно одна. Это, наверное, ещё хуже, быть рядом с людьми, людьми, которые должны быть близки твоему сердцу, к которым ты можешь прикоснуться, обнять, посмеяться, но они причиняют тебе боль, отталкивают тебя. Я не могу представить себе более ужасного одиночества, чем твое.

Вайсс чуть не разрыдалась, бросившись вперед и отчаянно обнимая Рин.

— Спасибо, — яростно прошептала она, — Спасибо тебе.

— Для этого и нужны друзья, — с усталой улыбкой ответила Рин, — Не за что.

***

Прошла ещё одна неделя, и между Вайсс и её новой подругой воцарилось новое, в основном негласное взаимопонимание. Как только Вайсс заканчивала занятия с инструктором, они уединялись в одной комнате; иногда разговаривали, иногда Вайсс учила Рин основам работы ног и выпадов на мечах, иногда просто тихо учились в одном месте. Доверие связывало их, как невидимый мост, и когда её семья и наставники ушли, они обе почувствовали себя менее одинокими, Вайсс даже ощутила, как эмоциональные барьеры, на возведение которых она потратила годы, немного ослабли.

У Рин никогда не было друзей её возраста, во всяком случае, она этого не помнила; было несколько размытых полузабытых лиц на детской площадке возле лаборатории её отца, но это

было в детстве, когда она была ещё совсем маленькой. Она знала, что пожилым людям требуется больше общения со сверстниками, что только самые маленькие могут спокойно обходиться в основном только общением с родителями и другими взрослыми, но все равно было странно начать жить в таких условиях после столь долгого одиночества.

К сожалению, приятное время длилось всего три недели, после чего Вайсс пришлось уехать на длинные выходные, и все резко изменилось.

***

На следующее утро после отъезда Вайсс я нашла кое-что странное, когда после завтрака просматривала входящие сообщения своего свитка. Это было сообщение от юридического отдела Корпорации Шни, в котором меня просили подписать какие-то бумаги и передать их дальше. Бумаги были очень раздражающими, в основном потому, что их было очень много, а я ещё не умела быстро читать на общем языке Ремнанта. Мне потребовалось пять часов, чтобы прочитать все, и ещё полчаса, чтобы ещё раз просмотреть некоторые части, которые я пометила, со словарем, чтобы убедиться, что я действительно все поняла.

Я подписала большинство деклараций о согласии, о том, что согласна на хранение моей собственности на территории Шни и изучение её военными специалистами Шни и Атласа, о том, что согласна на проживание в доме Шни, и тому подобное. Предпоследний документ я подписывать не рискнула, приложив к ответу приписку, что, вероятно, они по ошибке приложили стандартную форму к остальным.

Я никак не могла отказаться от прав интеллектуальной собственности на космический корабль, который папа построил для меня.

После ужина в тот вечер я начала понимать, что документ не был отправлен по ошибке, хотя выяснилось это не сразу. Юридический отдел прислал мне «исправленную» кучу документов и попросил заполнить их заново, и в итоге я читала их всю ночь, да ещё и половину утра.

Вместо передачи права собственности на «Надежду» на этот раз была форма об усыновлении, чтобы сделать меня частью семьи Шни.

Я сразу же попыталась позвонить Вайсс, чтобы выяснить, что происходит, но почему-то не смогла дозвониться до нее: свиток просто звонил и звонил, а она так и не взяла трубку; до автоответчика я тоже не дозвонилась. Тогда я попробовала связаться с Кляйном, любезным человеком, который отправился с Вайсс в её поездку, но получила тот же результат. Расстроившись, я попыталась отложить это дело в сторону и заняться физиотерапией и почитать побольше об истории Ремнанта, но сосредоточиться было трудно. Я бы хотела пойти в лабораторию и поработать с учеными над «Надеждой», но они тоже были на выходных.

Во время ужина в тот вечер мистер Шни смотрел на меня немного странно, но ничего не говорил, так что я не знала, что и думать.

Наконец, через пару часов после ужина я получила сообщение от Вайсс.

«Те документы должно было прийти не сейчас, а через пару месяцев, если дела пойдут хорошо. До сих пор мы с отцом говорили только о такой возможности, но раз уж они пришли, хочешь ли ты стать моей сестрой?»

Я смотрела на сообщение по меньшей мере пять минут, во мне боролись счастье и смятение. У меня никогда раньше не было сестры. Я не знала, что это значит, у меня даже не было брата,

так что я вообще не знала, что такое иметь брата или сестру. Вайсс не казалась очень близкой с Уитли, и хотя она с нежностью отзывалась о своей старшей сестре, у меня ещё не было возможности познакомиться с Винтер. Мне потребовалось ещё десять минут, чтобы подготовить хоть какой-то ответ.

«Это очень волнующее и очень важное событие. Я с нетерпением жду возможности поговорить с тобой об этом, когда ты вернёшься завтра».

***

Час спустя дверь моей комнаты неожиданно открылась, без стука или чего-либо ещё, ко мне ворвался мистер Шни, такой разъяренный, что я удивилась, как его глаза не покраснели.

— Видимо, у вашего народа нет понятия о милости и благодарности, — прорычал он, бросив на стол пачку бумаги и ручку, — Это для твоего же блага, подпиши.

Почувствовав гнев мужчины, я немного поколебалась, затем осторожно подошла и взяла бумаги.

Это были документы на усыновление.

— Н-не раньше, чем я поговорю с В-вайсс, — заикнулась я, пытаясь не свернуться калачиком, пока он смотрел на меня.

— Отлично, — прорычал он, глядя на меня сверху вниз, — Позвони ей, сейчас же! Твой корабль находится в опасном юридическом тупике, пока этот вопрос не будет решен, равно как и ты сама.

Дрожа от страха, я возилась со своим свитком и набрала номер Вайсс. Вызов прозвучал четыре раза, пока она не взяла трубку — в эфире был нехарактерный сильный шум помех, как в радиопередачах, которые я иногда ловила по пути из системы Сол, до того, как на Земле все окончательно прекратили передачу.

— Алло? — раздался нечеткий голос Вайсс, — Рин? Что случилось?

— Пришел твой отец, — ответила я, — Он хочет, чтобы я подписала бумаги об усыновлении.

— Есть ли причина не делать этого? — спросила Вайсс, её голос прерывался.

— Я не готова к такому, — сказала я, покачав головой, — Не так быстро. Я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Отцу лучше знать, — ответила Вайсс, — Не волнуйся об этом слишком сильно. Я думаю, что ты должна это сделать, но мы можем поговорить об этом завтра. Мне нужно идти.

Связь прервалась.

— Ну что? — потребовал мистер Шни.

–… Н-нет, — ответила я, качая головой и слегка дрожа, — я не могу вот так просто отпустить работу папы и его дело. Это слишком важно.

— Не будь ребенком, — огрызнулся он, — твой отец умер, и тебе пора признать, что он, как и его работа, уже не самое важное для тебя. Теперь ты — Шни, а я — твой новый отец.

Подписывай бумаги.

— Н-нет, — возразила я, глядя на него, — Вы не имеете права так говорить о моем отце.

— Теперь я твой отец, — усмехнулся он, повернулся и вышел за дверь, — И я посажу тебя под домашний арест. Никаких выходов из комнаты, никаких звонков, никаких встреч с Вайсс, пока ты не подпишешь эти бумаги.

— Нет! — закричала я, — Вы не можете…

Он захлопнул дверь, и сразу после этого я услышала, как дверь закрылась; я подбежала, чтобы попытаться открыть её, но было уже слишком поздно.

— Вы не можете так поступить со мной! — кричала я, не в силах сдержать истерику, нарастающую в моем голосе.

— Думаю, ты поймешь, что могу, — ответил он, — никто из слуг не будет приходить к тебе, пока ты не перестанешь вести себя как дурочка. Пока ты не одумаешься, я думаю, тебе нужно напоминание о том, что такое одиночество.

— Нет! — крикнула я, стуча кулаком в дверь, но он уже ушел и больше ничего не ответил.

Во мне нарастала паника, я колотила в дверь, пыталась использовать свою ауру, как это делала Вайсс, но все, что у меня получалось, это слегка раскачать дверь в раме, я была ещё слишком слаба. Я продолжала пытаться, колотила, колотила и колотила, пока не почувствовала, что моя аура начинает слабеть, а зрение расплывается от слез.

Сдавшись, я бросилась к кровати, снова взяла свиток и попыталась набрать Вайсс, но в ответ услышала то, чего никогда раньше не видела.

«Вызов отклонен».

— Нет! — завопила я, задыхаясь, стараясь не потерять сознание, и судорожно оглядываясь по сторонам, прежде чем подхватить стул у своего стола и, шатаясь, подойти к окнам.

Стул был причудливой резной формы, сделанный из какой-то белой древесины, и он был тяжелым, даже с моей аурой я едва могла его поднять. Я чуть не свалилась, но мне удалось поднять его над головой и с размаху опустить на ближайшее из окон.

Ножка, которая ударила первой, немного треснула; окно осталось нетронутым. Из чего бы они ни были сделаны, это было не стекло.

Я потеряла контроль над своими попытками упокоится и стала лихорадочно оглядывать комнату в поисках выхода. Снова оказаться в ловушке в полном одиночестве — «никогда»! Мой планшет лежал на прикроватной тумбочке, и я бросилась к нему, взяла его в руки и проверила связь с «Надеждой».

Связь сохранялась. Я активировала полную проверку систем, как внутреннюю, так и с помощью сканеров. Корабль был полностью цел, не считая отсутствующего лотка для водорослей, похоже исследовательская группа закрыла все должным образом после того, как в последний раз проверяла его внутренние элементы. Один из диагностических приборов обнаружил крошечную деформацию на блоке управления двигателем, но это был лишь кончик одной из створок, где они взяли пару образцов материала. Это незначительно повлияет на

маневренность «Надежды», но узел вектора был одним из немногих компонентов, полностью изготовленных из материалов, достаточно прочных, чтобы пережить вхождение в атмосферу, в отличие от компонентов, покрытых суперсплавами и композитами.

Проверка систем завершена, я запустила последовательность прогрева двигателя, активировала пусковую сигнализацию «Надежды».

***

На полпути к городу внутри «Центра исследований в области сверхмощных источников энергии и материалов имени Николаса Шни» раздался пронзительный вопль, доносящийся из вспомогательного посадочного отсека.

— Что за черт? — закричал Джордж Тилсон, второй офицер ночной смены охраны, — Я не узнаю этот сигнал тревоги, откуда он, черт возьми, исходит?

— Из восточного посадочного отсека, — ответила Эмили Грин, одна из двух техников, находившихся вместе с ним в комнате охраны, — Похоже, он исходит от прототипа, который там хранится»

— Показывай, — рявкнул Джордж, и через мгновение Грин вывела на главный дисплей комнаты безопасности два основных сигнала с камер, установленных в посадочном отсеке.

Несколько долгих мгновений он изучал видеозаписи, наблюдая, как козырек кабины складывается и фиксируется на месте, приглушая и без того далекий сигнал тревоги настолько, что его почти не было слышно из комнаты безопасности. Специфическая конструкция была незнакома, но Тилсон узнал происходящий процесс по своим годам службы в армии Атласа.

— Корабль готовится к запуску, — категорично заявил он, — Кто-нибудь, соедините меня с лабораторией, отвечающей за этот проект, и приготовьтесь открыть двери отсека, если мы не сможем его остановить. Я не позволю, чтобы то, что эта штука имеет в качестве двигателей, взорвалось внутри этого объекта.

***

Я наблюдала, как, к счастью, двери стартового отсека открылись, и вздохнула с облегчением, мое дыхание выровнялось впервые с тех пор, как Шни запер дверь. Всё ещё немного дрожа, я попытался снова позвонить Вайсс, прежде чем решиться на что-то радикальное.

«Вызов отклонен».

Прикусив губу, чтобы подавить всхлип, я положила руку на планшет и посмотрела на другое оставшееся препятствие между мной и побегом. Большие окна, составляющие большую часть внешней стены моей комнаты, я не знала, из чего они были сделаны, но это точно было не стекло. Они были довольно толстыми, и если бы они были сделаны из чего-то вроде прозрачного алюминия, они были бы намного прочнее, чем хотелось бы мне, особенно когда свобода находилась с другой стороны. Я могла бы попытаться сделать так, чтобы «Надежда» маневрировала и направила свой основной двигатель в сторону окон, пока я укрывалась бы в ванной, но сможет ли все достаточно быстро остыть, чтобы я успела уйти до того, как сюда ворвутся сотрудники службы безопасности и схватят меня?

Немного похныкивая от разочарования, я уставилась на свой планшет, надеясь, что смогу

использовать его так же, как и его цифровой аналог в симуляции, чтобы просто заставить местность вокруг меня измениться так, как я хочу. В симуляции это была «всего лишь» одна из многих вещей, которые оставил мне отец, чтобы я не сошла с ума от одиночества и скуки, но сейчас мне нужно было…

Жужжащий, скрипучий звук отвлек мое внимание от моих мыслей и планшета, и я подняла голову, заметив, что окно плавно откидывается в сторону, очень похоже на то, как я формировала искусственную реальность вокруг себя на протяжении большей части своей жизни. На мгновение я подумала, что у меня галлюцинации, и я вижу только то, что хочу видеть, но потом мысль поразила меня, как молния:

Проявление.

Я нажал на кнопку активации двигателей «Надежды».

***

Жак Шни смотрел на экран интерфейса на своем столе. Все шло не по плану: почему девочка вообще решила прочитать всю юридическую документацию, а не просто пропустить или обойти её стороной, как большинство её сверстников?

Почему она не могла просто довериться текстовым сообщениям? Это было достаточно легко организовать, особенно когда обе платформы, участвующие в «обмене», были продуктами компании «Шни». Соединить аудио было гораздо сложнее, особенно в такой короткий срок, и все равно ничего не вышло.

Неблагодарное отродье.

До возвращения Вайсс оставалось менее шестнадцати часов, и справиться с ситуацией после её возвращения будет в лучшем случае сложно; в отличие от Рин, его дочь обладала достаточной силой, чтобы…

Громовой рев прервал мысли Жака, и зазвучал сигнал тревоги.

— Неужели ситуация сегодня может стать ещё хуже? — воскликнул он в недоумении, начав вызывать вахтенного офицера.

— Сэр! — четко доложил офицер, Брент Пайн, как только связь была установлена, его лица не было видно по видеосвязи из-за полностью закрытого шлема, — Неопознанный корабль пролетел над периметром и приземлился в восточном дворе, у меня есть три отряда, которые движутся на перехват по земле, пока мы говорим.

— Только три? — потребовал Жак.

— Это очень маленький корабль, сэр, — ответил Пайн, — Предполагаемая максимальная вместимость — три человека, скорее один или два. Мне показалось неразумным снимать слишком много человек со стен на случай, если это будет отвлекающий маневр.

— Понятно, — ответил Жак, кивнув головой, — А остальная часть поместья?

— Отряды внутренних сил переходят к охране вашего кабинета и спален вашей семьи, — доложил Пайн, — Расчетное время прибытия — пятнадцать секунд.

— Хорошо, — отрывисто произнёс Жак, — Я хочу…

Второй громовой рев прервал его, и Пайн на мгновение отвел взгляд.

— Что это было, черт возьми? — потребовал Жак, как только звук затих.

— Корабль вылетел, — доложил Пайн, — Мои люди будут на месте посадки через несколько секунд.

–… В каком дворе он приземлился? — крикнул Жак после секундного раздумья: — Где?

— Неподалеку от седьмого двора, — ответил Пайн, слегка наклонив голову и сделав небольшую паузу, — Мои люди сообщают о большой дыре в одном из окон гостевого номера. Сейчас они ищут гостью мисс Вайсс.

— Черт возьми! — прорычал Жак.

http://tl.rulate.ru/book/81947/2647054